

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ В НАДПИСИ ИЗ ПОРТО БЛИЗ РИМА¹

Метрическая надпись из Изола Сакра, некрополя Порто в устье Тибра, впервые была опубликована в 1947 г. и вскоре утрачена². Место ее находки и содержание показывают, что камень датируется императорской эпохой: пунктуальное использование *iota adscriptum* можно сравнить, к примеру, с тем же признаком в надписи середины II в. н.э., поставленной одним просвещенным гражданином Эзан³. Претензии этой эпиграммы считаются произведением культурного образованного человека, иллюстрируются выбором трех различных стихотворных размеров — дактилического гекзаметра, пентаметра и ямбического триметра.

Текст надписи больше не вызывает сомнений, но многочисленные дискуссии о ее содержании пока не привели к уверенному результату; как заметила последний издатель надписи Джулия Сакко, «...практически каждое слово эпиграммы стало объектом различных интерпретаций, ни одна из которых, однако, не является целиком убедительной и решающей»⁴. Некоторое разъяснение могут дать лишь сведения о топографии и институтах Херсонеса Таврического (до сих пор недостаточно исследованных) и, наоборот, сам текст может добавить кое-что к нашим знаниям об этом городе.

¹ В апреле 1992 г. мадам Робер познакомила меня с материалами, связанными с мифом о Бавкиде и Филемоне у Овидия, чем в последнее время занимался ее супруг. Эти бумаги также касались надписи из Порто, которую П. Робер уже затрагивал мимоходом в одной из его опубликованных работ. Того, что сохранилось, недостаточно, чтобы с точностью показать, как бы он представил основной аргумент, однако я сознаю, что все изложенное ниже в известной степени близко его идеям. В любом случае я надеюсь, что все это встретило бы одобрение.

² Sacco G. *Iscrizioni greche d'Italia: Porto. Roma, 1984. P. 65—67. № 45 (с исчерпывающей библиографией).* Об Изола Сакра см. Calza G. *La necropolis del Porto di Roma nell'Isola Sacra. Roma, 1940.*

³ Worrle M. // *Chiron. 1992. 22. S. 347.*

⁴ Sacco. *Op. cit. P. 66.*

Вначале я даю текст и перевод (текст/идентичен тому, что опубликован Сакко, за исключением ниже отмеченного случая с буквой π в слове, παλίσκιον)⁵:

Εὐτυχεῖτε!

Μάγνης ἐκ Φρυγίης· Σκυθίη δέ με Παρθένος αἰλή

ἔτρεφ' ἔλαιηρῶι Μανθίωι ἐν πεδίωι,

παλίσκιον λιπόντα Μαγνήτων πόλιν

Εὐπλοεῖτε!

«Счастья Вам доброго! Я — Магнесиец из Фригии, но живущая на крутой скале скифская Дева вскормила меня на богатой оливами Мантийской равнине, когда я покинул очень тенистый город магнесийцев. Счастливого Вам плавания!». Сгущ interpretationis заключается во фразе, которая начинается со слова Σκυθίη и заканчивается ἐν πεδίωι, но прежде чем мы коснемся этого вопроса, постараемся избавиться от ряда менее трудных проблем.

Во-первых, приветствия в начале и конце текста. Они, по справедливому замечанию Сакко, объясняются тем, что магнесиец был чужестранцем, похороненным в некрополе часто посещаемого порта. Аналогичным образом один выходец из Никомедии, который умер в Афинах, закончил свою эпиграмму пожеланием, чтобы все те, кто в плавании, могли благополучно добраться до дома⁶.

Во-вторых, вопрос о личности магнесийца. Хотя некоторые более ранние издатели надписи принимали Μάγνης за личное имя, правильное, естественно, понимать это слово как относящееся к широко известному городу Магнесии на Сипиле⁷. Выражение «из Фригии» отражает не столько тот факт, что границы между Лидией и Фригией были плохо установлены, сколько то, что гора Сипил была прочно связана с легендами о Тантале и его сыне Пелопсе, двумя героями, которых в ранней и поздней греческой литературе часто соединяли с Фригией⁸. В таком случае это другая черта, отражающая литературные претензии текста надписи. Имя магнесийца было, вероятно, начертано в той части памятника, которая теперь утеряна⁹. Йозеф Цингерле, внесший решающий вклад в понимание текста, сделал попытку вычитать личное имя умершего магнесийца в слове παλίσκιον и ему нерешительно следует Сакко¹⁰. Но «Палиский» не имя, тогда как эпитет «очень тенистый» в точности соответствует Магнесии, омываемой источниками, которые текут с горы Сипил. Очень наблюдательный австрийский путешественник начала XIX в. Антон фон Прокеш заметил о ландшафте следующее: «Вид очаровательный: ограниченная сама собой и небом равнина простирается с северо-запада на юго-восток, богата деревьями, между которыми Герм и Гилл искрятся здесь и там»¹¹ (курсив наш. — К.Д.).

Подход к главной проблеме — смыслу текста — тесно связан с выражением Σκυθίη δέ με παρθένος αἰλή ἔτρεφ' ἔλαιηρῶι Μανθίωι ἐν πεδίωι. Кто эта Дева и почему она скифская? Какой смысл надо вложить в выражение «вскормила»? И где находится «Мантийская равнина»? Интерпретация Сакко следующая: «В Σκυθίη Παρθένος я бы усмотрела божество Артемиду Таврополу, в честь которой названо святилище, расположенное на также неидентифицированной Μανθίωιον πεδίον, может

⁵ Я расположил текст в соответствии с требованиями метра; на камне, ныне утерянном, он занимает 11 коротких строк (Sacco. Op. cit. P. 66).

⁶ Sacco, Op. cit. P. 67: очень жаль, что некоторые издатели сообщают о месте находки приблизительно — «in vicinia Romae», «beim Rom». О некоем гражданине из Никомедии: IG II². 8395; Peek W. Griechische Vers-Inschriften. № 446.

⁷ Об этом см.: Ruge W. // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 472 f.; Ihnken Th. Die Inschriften von Magnesia am Sipylos. Bonn, 1978; Hermann P. Tituli Asiae Minoris. V. 2. Wien, 1979. S. 476—498.

⁸ См.: Robert L. Laodicée du Lycos. Quebec—Paris, 1969. P. 330. Я надеюсь обсудить этот сюжет в другом месте, восстановив взгляды Л. Робера относительно мифа о Бавкиде и Филемоне.

⁹ Это замечено уже Г. Кайбелем (Epigrammata Graeca. B., 1878. № 641). Об этой практике см.: Cow, Page. The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams. V. II. Camb., 1965 P. 219 (на основании разбора Anth. Pal. VII. 260).

¹⁰ Zingerle J. // Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts. 1937. 30. Beibl. S. 151.

¹¹ Von Prokesch (von Osten) A. Erinnerungen aus Aegypten und Kleinasien. Bd. III. Wien, 1831. S. 124.

быть, в местечке недалеко от города Магнесии на Сипиле; прилагательное *ἐλαιηρός* является точным определением Лидии и территории вокруг города Магнесии, известной изобилием винограда, плодовых деревьев, оливок... Необычное выражение *Σκυθίη δὲ με παρθένος ... ἔτρεφε*, вероятно, означает, что умерший родился и был воспитан близ святилища богини на территории, принадлежавшей храму, очевидно, как подкидыш, ставший *ἱερόδουλος* или как сын *ἱερόδουλοι*.

Такая интерпретация близка той, которую предложил уже давно сэр Уильям Митчелл Рамсей, и которая не может быть принята¹². Предполагаемое святилище Артемиды Таврополы, конечно, не может находиться на территории Магнесии, поскольку субъекту эпиграммы не надо было бы «покидать город магнесийцев», дабы быть вскормленным «Скифской Девой». Чередование *Φρυγίης* и *Σκυθίης*, естественно, наводит на мысль, что он был возвращен в «Скифии», т.е. где-то севернее Черного моря или в Центральной Азии.

Другой показательный контраст — между словами «высоко живущая Дева» и «Мантыйская равнина». В качестве параллели к нему Сакко цитирует пассаж из «Александры» Ликофрона. Рассказывая о Диомеде, почитавшемся богом в Южной Италии, поэт вкладывает в уста Кассандры пророчество (сткк. 630—631):

θεὸς δὲ πολλοῖς αἰλὺς ἀυδηθήσεται
ὅσοι παρ' Ἴουδς ὑρῶνον ἄικηνται λέδον

(«К нему будут обращаться как к высоко живущему богу многие, все те, кто обитает близ лежащей в низине равнины Ио»).

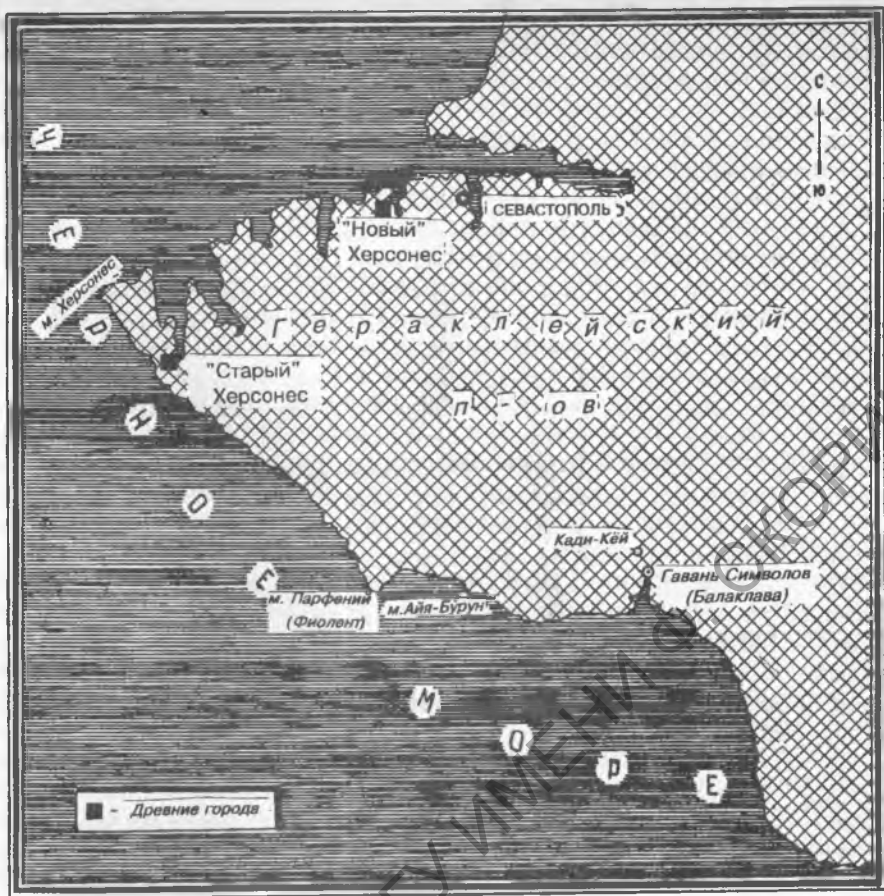
Чтение настоящего текста, которое соответствует обим этим истолкованиям, было в общих чертах набросано еще в 1890 г. Издавая его в *Inscriptiones Graecae* (XIV, 933), Георг Кайбель отошел в ряде мест от той интерпретации, которую он дал ранее в *Epigrammata Graeca*. В то время как предыдущие издатели, включая самого Кайбеля, считали *Σκυθίη* именем кормилицы «магнета» и соответственно меняли ΑΙΠΗ на ἄγνῆ, «священная Скифия», то теперь Кайбель предложил считать ΑΙΠῆ названием места, «*oppidum non magis sane notum quam campus Manthius*». В то же время Кайбель излагает точку зрения Моммзена, предложившего видеть здесь скрытое указание на Скифию, вытекающее из слова *παρθένος* в память об Ифигении (*Scythiae praedicasamentum latere in Iphigeniae memoriam a παρθένος vocabulo derivatum*). Моммзен ссылается на традицию, сохраненную Геродотом (IV.103.1), который сообщает о скифском племени тавров и о том, что «они приносят в жертву Деве (*Παρθένος*) моряков, потерпевших крушение, и тех греков, которых они захватывают в открытом море»; историк далее говорит, что святилище расположено на скале (*κρημνός*) и что некоторые из тавров отождествляют это божество с Ифигенией, дочерью Агамемнона. Та же традиция лежит в основе трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», хотя драматург, без сомнения, для драматических коллизий поместил святилище на берегу моря и ни о какой скале не упоминает.

Такая интерпретация была принята и в дальнейшем, в частности Йозефом Цингерле в 1937 г., хотя без достаточно подробного обсуждения взглядов Кайбеля и Моммзена¹³. Он считал, что буквы ΑΙΠΗ обозначают не название неизвестного города, а прилагательное αἰλή — «высокая»; он обратил также внимание на те древние тексты, в особенности Страбона (VII. 4. 2. С. 308), которые относятся к городу Херсонесу на западной оконечности Крыма и распространенному там культу «Девы», с высоты охватывающей взглядом море, что, вероятно, по смыслу идентично «скале» Геродота¹⁴.

¹² Ramsay W.M. // *Annual of the British School at Athens*. 1902—1903. V. 9. P. 247 f. Представляется бесполезным опровергать весьма заманчивые рассуждения Рамсея, хотя его замечание, что «город магнесийцев» — это Антиохия в Писидии, ввело в заблуждение Цингерле и даже Вальтера Руге (RE. 1941. Bd XX. Sp. 789, 51—59).

¹³ Zingerle. Op. cit. S. 147—151; Peek. Op. cit. № 1014.

¹⁴ Другими источниками являются: *Pomp. Mela*. II. 3 (неясное свидетельство); *Plin. NH*. IV. 85—86; *St. Byz. s.v. Παρθένου ἱερόν* — заимствовано у Страбона.

Карта Гераклеяского полуострова (составитель В.С. Горсков)

Цингерле также объяснил значение глагола ἔτρεφε. Как в поэзии, так в меньшей степени и в прозе он может относиться к месту рождения или местожительству человека, которые оказывали на него воспитательное влияние. Уже оратор Ликург использует ἡ θρέψασα в значении «родная сторона» (*Contra Leoc.* 47); то же значение мы находим у Полибия (IV.17.12; XI.28.6 и т.д.). В поэзии Никандр из Колофона говорит о себе: ἔτρεφε Κλάρον νιφόεσσα πόλιχνη (*Theo.* 958), так же как Вергилий говорит «*me... dulcis alebat Parthenopore*» (*Georg.* IV. 563); те же выражения встречаются в эпиграммах на камне¹⁵. Пример из Вергилия близко перекликается с надписью из Порто, поскольку, когда поэт говорит о *dulcis Parthenopore*, то он, очевидно, думает не столько о городе Неаполе, сколько о мифической нимфе, от которой он получил свое название. Магнесиец мог также сказать, что он был «вскормлен» Девой, которая властвовала над принявшим его городом.

Чтобы понять, как это могло случиться, и объяснить, что имеется в виду под «Мантийской равниной», надо углубиться в некоторые детали истории Херсонеса, его географии, политических и государственных институтов (рис.). Изучение региона в новое время началось в конце XVIII в. великим естествоиспытателем (ботаником и геологом) П.С. Палласом и продолжается в последнее время русскими и украинскими

¹⁵ Robert L. *Opera Minora Selecta*. 7 vols. Amsterdam, 1969—1990. V. II. 1320, № 3; *Revue de Philologie*. 1939; *Hellenica*. II. 1946. P. 114. № 2; «этот город иногда отличают от его родины, но очень часто его с нею смешивают».

археологами и эпиграфистами¹⁶. Цингерле ограничился цитированием одного литературного текста и надписи. Текст, взятый из Стефана Византийского, менее полезен, нежели соответствующий пассаж Страбона (VII.4.2. С. 308), откуда он заимствован¹⁷. Интерпретация текста, однако, трудна и имеет важное отношение к интересующей нас надписи. Здесь приводим полный текст по изданию Крамера: *Χερρόνησος... ἐν τῇ τῷ τῆς Παρθένου ἱερόν, δαίμονός τινος, ἧς ἐλώνυμος καὶ ἡ ἄκρα ἡ πρὸ τῆς πόλεως ἐστὶν ἐν σταδίοις ἑκατόν, καλουμένη Παρθένιον, ἔχον νεῶν τῆς δαίμονος καὶ ξόανον. μεταξὺ δὲ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἄκρας λιμένες τρεῖς εἶθ' ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη καὶ μετ' αὐτὴν λιμὴν στενόστομος, καθ' ὃν μάλιστα οἱ Ταῦροι, Σκυθικὸν ἔθνος, τὰ ληστήρια συνίσταντο, τοῖς καταφεύγουσιν ἐπ' αὐτὸν ἐπιχειροῦντες· καλεῖται δὲ Συμβόλων λιμὴν.* Издатель его в серии Loeb X.Л. Джоунз, приводя тот же текст, переводит его следующим образом: «В этом городе есть храм Парфенос, некоего божества; и мыс, который находится перед городом на расстоянии 100 стадий, также назван именем этого божества, поскольку он называется Парфением, и на нем есть святилище и ксоан богини. Между городом и мысом три гавани. Затем идет Старый Херсонес, который разрушен до основания, за ним гавань с узким проходом, где, говоря в общем, тавры — скифское племя — обычно собирают пиратские отряды для нападения на всех, кто находит там убежище. Она называется Гаванью Символов».

Существует две проблемы, связанные с пониманием текста. Меньшая из них заключается в том, стносится ли *ἔχον* к стоящему перед ним *Παρθένιον*, как это понимает Джоунз, или к более отдаленному *ἱερόν*; прежняя точка зрения представляется более естественной. Большая трудность связана с упоминанием *μετ' αὐτὴν*. Если следовать пунктуации Крамера, то эта фраза должна относиться к Старому Херсонесу, и тогда текст Страбона предполагает следующий порядок ориентиров: 1) «город» Новый Херсонес, 2) три гавани, 3) мыс «перед городом», 4) Старый Херсонес, 5) Гавань Символов. Но Страбон может дать пищу для предположений, что комбинация слов *λιμένες τρεῖς εἶθ' ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη* может быть понята вместе и что фраза с *μετ' αὐτὴν* относится по смыслу к *τῆς ἄκρας*, хотя греческий язык в таком случае и будет менее гладким. При такой интерпретации точку надо будет поставить не после слова *τρεῖς*, а после *κατεσκαμμένη* (которое для ясности следует, вероятно, отделить от предыдущего *Χερρόνησος* запятой). Соответствующая часть фразы в таком случае будет иметь следующее значение: «В этом городе есть святилище Девы (Парфенос), некоего божества, которое дало свое имя и мысу, расположенному перед городом на расстоянии сотни стадий, имеющему храм и примитивный идол богини. Между городом и мысом три гавани, затем Старый Херсонес, который разрушен до основания; за ним (т.е. мысом) гавань с узким проходом» и т.д. В этом случае порядок, приведенный выше, будет отличаться тем, что Старый Херсонес будет теперь предшествовать, а не следовать за мысом, который «перед городом». Выражение *πρὸ τῆς πόλεως* используется в различного рода текстах в отношении богов, которые считались особыми защитниками города, но здесь Страбон должен понимать его в буквальном смысле: он использует почти ту же фразу о святилище Аполлона Кларосского в Колофоне, приблизительно в 13 км в глубь материка¹⁸.

¹⁶ О Палласе см. выше, прим. 1. Для ориентации в обширной библиографии о Херсонесе см.: *Bernhard M.L., Szietyllo S. // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. Princeton, 1976. P. 221—222; Гайдукевич В.Ф. // Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955. С. 65—95; я не видел книгу В.И. Кадеева, о которой сообщает Ю.Г. Виноградов (*Vinogradov Ju. // Bull. epigr. 1990. P. 576*). О надписях, опубликованных после В.В. Латышева (*IOSPE I². 1916*), см.: *Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Т. 1—2. Киев, 1964; Vinogradov Ju. // Bull. epigr. 1990. P. 496—497*. Для западного читателя наиболее доступными изданиями являются: *Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 493—553; Danoff Ch.M. // RE. 1962. Suppl. IX. Sp. 1104—1116; о Деве см.: Diehl E. // RE. 1949. Bd. XVIII. Ht 2. Sp. 1957—1967*.*

¹⁷ О мысе Парфений см. другие источники — *Pomp. Mela. II.3* (запутанное); *Plin. NH. IV. 85—86*.

¹⁸ О сакральном смысле см.: *Robert J. et L. Fouilles d'Amizon en Carie. P., 1983. P. 171—176*. О Кларосе см.: *Strabo. XIV. 1, 27 (C 642): ἡ Κολοφῶν ... καὶ τὸ πρὸ αὐτῆς ἄλσος τοῦ Κλαρίου Ἀπόλλωνος*.

Вероятно, надо также учесть возможность того, что Страбон сам не был уверен, как различные ориентиры, которые он упоминает, соотносились друг с другом. Но допуская, что он знает смысл того, что он в них вкладывает, следующим шагом является сравнение его описания с материальными остатками на земле. Исходные точки, которые следуют порядку его описания, следующие: 1) Новый Херсонос на западной стороне Карантинной бухты к западу от совр. Севастополя; 2) Старый Херсонес на лежащем ниже мысу в юго-западной оконечности полуострова, который носит название мыс Фанар или с недавнего времени мыс Херсонес (Херсонесский мыс); 3) Гавань Символов, которая должна быть Балаклавой с удивительно узким входом в бухту¹⁹. Если мыс у Страбона предшествует Старому Херсонесу, то это должен быть Фанар; если он следует после него, то это должен быть один из мысов на скалистом юго-западном побережье между мысом Фанар и Балаклавой. Последнему предположению обычно отдают предпочтение, и наиболее верным кандидатом является мыс Фиолент (Фиоленте), несмотря на то, что Аяя-Бурун между Фиолентом и Балаклавой был выбран акад. Палласом²⁰.

Те, кто предпочитает Фанар, подобно Э. Миннзу в его до сих пор сохраняющем значение труде «Scythians and Greeks», не заметили указания в тексте Страбона — слова *ἄκρα*. Оно обычно подразумевает высоту: словарь Лидлл—Скотта дает его перевод как «крутой мыс», «мыс», «вершина», «высота», «цитадель»²¹. Однако по описанию самого Миннза Фанар представляет собой плоскую поверхность, тогда как Паллас замечает, что «...берег имеет незначительное повышение»²². Напротив, Фиолент поднимается резко в высоту на 165 м (540 футов), образуя западную оконечность горной гряды, которая тянется вдоль большей части южного побережья Крыма — Крымских гор; эта гряда, в свою очередь, достигает высоты над уровнем моря более 1500 м (5000 футов) и образует естественную границу так называемой Русской Ривьеры, главный город которой, Ялта, расположен к востоку от Фиолента примерно в 75 км по морю. По прямой Фиолент находится в 10 км от Старого Херсонеса, что может по дороге достигать расстояния в 100 стадий (ок. 18,5 км), в то время как Фанар удален от него лишь на 3/4 этого расстояния. Я делаю отсюда вывод, что Фиолент или, что менее вероятно, Аяя-Бурун и есть Страбонов мыс Парфений, и именно потому, что святилище расположено на одной из этих крутых высот, эпиграмма из Порто и говорит о «живущей на крутой скале скифской Деве».

С одной из высот на южном берегу Паллас заметил, что «...мы можем отчетливо видеть гавани Балаклавы и Ахтиара (т.е. Севастополя)»²³. Описание Фиолента путешественником XIX в. А. Демидовым более поверхностно, но все же информативно: «Если от крайней точки, где возвышается маяк (т.е. Фанар), вы пойдете берегом Черного моря, поднимаясь к востоку, то довольно внушительный склон приведет вас к первым плато цели Крымских гор и оттуда, с высоты величественного мыса, Парфения греков, вы бросите вниз изумленный взгляд на этот Херсонес, столь маленький для своей бессмертной славы... Именно здесь храм Дианы Таврополи с кровавыми алтарями; далее вы идете по ужасной мостовой. Алтарь богини — вот он; этот четырехугольный камень, алтарь шершавый и грубый, как алтари Друзидов»²⁴.

Из множества надписей, относящихся к херсонесской Деве, можно выделить две.

¹⁹ *Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. L., 1802—1803. P. 132*: «...вход в бухту очень глубокий, будучи ограничен высокими скалами, его фарватер едва позволяет двум судам плыть рядом».

²⁰ *Pallas. Op. cit. P. 63*. Удивительным совпадением является то, что «Аяя» в современном греческом языке относится к деве Марии, в то время как Бурун — это турецкое «мыс». В этом районе очень много географических названий на греческом и турецком языках.

²¹ О значении терминов «цитадель» и «акрополь» в надписях см.: *Robert L. // OMS VI. P. 645 suiv. (Gnomon. 1970. P. 595 suiv.); Robert J. et L. // Bull. épigr. 1971. 175, 620. P. 500.*

²² *Minns. Op. cit. P. 495*: «плоский мыс Херсонес»; *Pallas. Op. cit. P. 60.*

²³ *Pallas. Op. cit. P. 61.*

²⁴ *De Dëmidoff A. Voyage dans la Russie meridionale. P., 1840. P. 394 suiv.*

Одна, уже приводившаяся Цингерле, является декретом в честь синопейца Диофанта, стратега, посланного Митридатом Евпатором для защиты Херсонеса от скифов. В ней говорится, что «Дева, постоянная покровительница херсонесцев, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме знамений предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску» (ἡ δὲ διὰ παντὸς Χερσονασιτῶν προστατοῦσα Παρθένος, καὶ τότε συμπαραοῦσα Διοφάντῳ, προεσάμανε μὲν τῶν μέλλουσαν γίνεσθαι πράξιν, διὰ τῶν ἐν τῷ, ἱερῶι γενομένων σαμείων, θάρσος δὲ καὶ τόλμαν ἐνεποίησε παντὶ τῷ στρατοπέδῳ). Предписывается, что статуя Диофанта должна быть поставлена «на акрополе возле алтаря Девы» (ἐν τῷ ἀκροπόλει παρὰ τὸν τῆς Παρθένου βωμόν)²⁵. Другая надпись, вероятно конца III в. до н.э., показывает, что подобные почести были нередки в истории Херсонеса. Она поставлена в честь местного историка Сириска, сына Гераклида, за «трудолюбивое описание эпифаний Девы и подробное их изложение» (τῆς ἐπιφανείας τῆς Παρθένου φιλολόπως γραφῆς ἀνεγνώ); декрет следовало выставить «внутри притвора храма Девы» (ἐν τῷ προίῳ τοῦ προὶ τῆς Παρθένου)²⁶. Культ Девы в Херсонесе продолжал существовать с меньшим размахом и во времена Римской империи. В 25 или 24 г. до н.э. должность басилевса, эпонимного магистрата Херсонеса, была навечно закреплена за богиней, и документы датировались как будто бы по новой эре, например, βασιλευούσας Παρθένου, ἔτους ρυδ' (154 г. х.э. = 130 г. н.э.); во II в. официальные документы города скреплялись печатью от имени богини, к примеру, ἐσφραγίσαντο α' στίχῳ ἡ βασιλισσα Παρθένος Τ. Φλαουίος Ἀρίστων и т.д.²⁷

Цингерле и его предшественники, можно сказать, решили проблему идентификации «скифской Девы», однако остается все же неясной фраза «вскормила меня на богатой оливами Мантыйской равнине». В то время как глагол τρέφειν может быть использован применительно к городу как месту рождения или усыновления субъекта, его отнесение к властвовавшему в этом городе божеству необычно. Защищая свою идею, что магнэсеец воспитан в святилище Артемиды, Сакко приводит надпись, в которой некий Серен, прибывший для почитания Изиды в Филе, называет себя «вскормленным возле Изиды из Фарии» (τραφεὶς παρ Φαρίᾳ Ἰσιδι), но эта фраза явно означает, что он не был воспитан в святилище Изиды, а просто был родом из Александрии, где Изида была ведущим божеством²⁸.

Эпитет ἔλαιηρός означает богатство одним конкретным продуктом — оливковым маслом²⁹. На первый взгляд это удивительно для Западного Крыма с его зимними холодами. Однако когда разразилась Крымская война, территория, ныне известная как Русская Ривьера, была богата оливковыми деревьями, по крайней мере до начала нынешнего века. В описании Палласа эти деревья появляются на узкой полосе побережья между Балаклавой и Ялтой, особенно в «Симеизе (Симэус), расположенном в восхитительной долине, где несколько старых оливковых деревьев, изредка стоящие рядами, и таким же образом многочисленные гранатовые деревья были разбросаны между превосходными садами»³⁰. Территория Херсонеса должна была быть очень большой в римский период, но ее протяженность вдоль юго-западного побережья неизвестна; часть ее, очевидно, наверняка включала земли, где произрастали оливы.

²⁵ IOSPE. I². 352. 23—26, 51—52 = Syll.³ 709.

²⁶ IOSPE I². 344. 2—4, 23 (*Chaniotis A.* *Historie und Historiker in den griechischen Inschriften.* Stuttgart, 1988. S. 300 f.). О блестящем истолковании этого текста Адольфом Вильгельмом и параллелях в одной недавно опубликованной надписи из Амфиополя см.: *Robert J. et al.* // *Bull. épigr.* 1979. P. 271; ср. *Chaniotis.* *Op. cit.* S. 299 f.

²⁷ *Robert L.* // *Hellenica* II. 1946. P. 56; *Diehl E.* // *RE.* 1948. XVIII, 2. Sp. 1959—1961.

²⁸ IGRR I. 1310, переиздана: *Bernand A.* *Les inscriptions grecques de Philae.* II: Haut et Bas Empire. P., 1969. № 168; о тексте см.: *Festugiére A.J.* // *REG.* 1970. 83. P. 188 suiv. Надпись из пещеры на территории Теоса относится к некоему Пуденсу, который παρὰ τοῖς θεοῖς ἔτραφη, — это должно означать, что он имел какое-то формальное отношение к святилищу (SEG XXVII. 729; *Robert J. et al.* // *Bull. épigr.* 1980. 443, № 6).

²⁹ Так, в словаре *Liddell—Scott, s.v.*, где приводится эта надпись, дается значение «производящий оливковое масло».

³⁰ *Pallas.* *Op. cit.* P. 138, 148 (с наглядной иллюстрацией), 154—157, 167—168.

Если верно общепринятое мнение и мыс Парфений действительно один из крутых мысов на юго-западном побережье, то Мантийскую равнину тогда, вне всяких сомнений, следует искать в этом же районе; возможный вариант — цветущая долина к северу от Балаклавы вокруг деревушки, обозначенной на карте Миннза как «Кадикей» (деревня Кади или Судьи). Имея землю в собственности и, вероятно, живя на этом участке территории, магнесиец мог с полным правом сказать, что он «вскормлен живущей на крутой скале скифской Девой на богатой оливами Мантийской равнине».

Это наблюдение можно, вероятно, дополнить одной из наиболее известных надписей Херсонеса, датированной началом III в. до н.э., — клятвой его граждан защищать свой город и его государственный строй³¹. Одна из клаузул надписи говорит: «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес» — οὐδὲ σίτον ἀπὸ τοῦ πεδίου ἀλαγώγιμον ἀποδοσοῦμαι οὐδὲ ἐξαξῶ ἀλλὰ ἀπὸ τοῦ πεδίου ἀλλ' ἢ εἰς Χερσόνασον (сткк. 47—51). Эта «равнина», если это не общее обозначение части обрабатываемой территории, должна быть областью необычайного плодородия и, вероятно, располагалась не очень близко от города, если существовала опасность, что хлеб мог быть вывезен с нее незаметно³². Нужно, впрочем, задать себе вопрос — могут ли быть «равнина» присяги и «Мантийская равнина» нашей надписи взаимосвязаны.

Остаются еще некоторые детали. Тот факт, что текст надписи называет богиню «скифской», может, на первый взгляд, вызвать удивление, так как, каким бы ни было происхождение богини, она уже длительное время абсорбировалась в традиции эллинского поселения, а «скифы» всегда были угрозой для Херсонеса даже в римский период; так, известная надпись из Тибура славит Плавтия Сильвана, правителя Мезии при Нероне, за то, что «он заставил царя скифов снять осаду с Херсонеса за Борисфеном» (Scytharum rege a Cherronensi, quae est ultra Borustenen, obsidione remoto)³³. Ответ заключается, вероятно, опять в литературном характере текста. Геродот охарактеризовал тавров как скифское племя, посвященное Деве (I.102—103), и его мнение приводит Павсаний (I.43.1) — автор, вероятно, почти современный дате нашей надписи.

В дополнение к изложенному следует сказать, что текст слишком лаконичен, чтобы объяснить все то, что современный читатель хотел бы узнать о деятельности выходца из Магнезии и — особенно — каким образом он покинул второразрядный город провинции Азия и поселился на окраине римского мира. «Внешняя просопография» Магнезии довольно незначительна и большая часть граждан, засвидетельствованных где-либо в другом месте, не выходит за пределы провинции Азия: исключение представляют лишь один атлет, отмеченный почестями в Неаполе, и два человека, очевидно, отец и сын, похороненные в Ренее³⁴. Напротив, основные связи между полисами северного побережья Эвксинского Понта, такими, как Херсонес, и городами Малой Азии осуществлялись, как и следовало ожидать, Вифинией и Понтом.

Что касается определенных отношений Херсонеса с Римом и соседним Боспорским царством в римскую эпоху, то они, вне всякого сомнения, входили в орбиту влияния империи, связаны со многими римскими гражданами и контактами с правителем Нижней Мезии, так что М.И. Ростовцев с полным правом мог назвать город «основным центром римского влияния в Южной России»³⁵. Ряд надписей упоминает граждан, которые отправлялись в Рим как послы³⁶. Выходец из Магнезии, очевидно, не мог быть одним из них, скорее всего это купец-иммигрант, который занимался приоб-

³¹ Minns. Op. cit. P. 645; IOSPE I². 401; Syll.³ 360.

³² Так, Minns. Op. cit. P. 517; о «равнине» см. также: Danoff. Op. cit. Sp. 1113.

³³ Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. № 986; Inscriptiones Italiae. IV, 1, 125; Smallwood E.M. Documents Illustrating the Reigns of Gaius, Claudius and Nero. № 228.

³⁴ Herrmann P. Tituli Asiae Minoris. V. 2. P. 476 sg.

³⁵ Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Roman Empire. V. 1. Oxf.², 1957. P. 154. Вопрос об отношении Херсонеса к Риму много дискутировался, см. из последних работ: Виноградов Ю.Г. // ВДИ. 1992. № 3. С. 130—139.

³⁶ IOSPE I². 355, 362, 423, 425 (= IGRR. I. 861, 864—866).

ретением продукции, может быть, даже не обязательно производимой в Южной России, типа меха; в X в. торговцы из Херсона, как в то время назывался город, приобретали шкуры и воск у печенегов и продавали их в Византии³⁷.

Еще один факт о нашем магнесийце, который вытекает из некоторых особенных черт надписи, — это его стремление к *λαϊδεία*. Либо он, подобно Вергилию, писал свою эпитафию в ожидании смерти, либо она была составлена от его имени другими лицами; ее компактность и иносказательность напоминают в ряде мест манеру просвещенных поэтов, подобных Ликофрону, и старомодную орфографию, которая ведет в том же направлении. Если он был торговцем, то он был одним из тех, кто также желал оставить память о своей скромной учености, подобно тому как другие профессиональные путешественники демонстрировали свое знание «Одиссеи» Гомера³⁸.

Addendum

Проф. Ю.Г. Виноградов любезно обратил мое внимание на обсуждение той же самой надписи, которое я не должен был проглядеть: Ebert J. Ein alter Name des Maander. Zu IG XIV 933 und I. Magn. 17 // *Philologus*. 1985. Bd 129. S. 54—63.

Анализ Эберта сосредоточен на новом прочтении одного места известной надписи из Магнесии на Меандре (Inscr. Magnesia № 17), содержащей часть мифа об основании города. В стк. 48, согласно чтению О. Керна, оракул повелевает основателю города Левкиппу найти Θ[ώρη]κος σκόπελον κ[α]ὶ Ἀμανθίου αἰτὸν ῥέεθρον. Керн первым увидел в «Амантии» название реки Меандр, однако в противоположность ему Виламовиц высказал мнение о том, что это должен быть Летайос — бурный поток, протекающий близ Магнесии и запечатленный на ее монетах, а вовсе не известный своей вялой текучестью Меандр (Wilamowitz U. von // *Kleine Schriften*. V. 1. S. 90 = *Hermes*. 1895. Bd 30. S. 189). Эберт возвращается теперь к идентификации Керна и полагает, что он может вычитать на камне κατὰ Μανθίου; он даже не обсуждает возможность чтения κατ' Ἀμανθίου. По поводу надписи из Порто Эберт утверждает, что коль скоро ни Магнесия на Сипиле, ни Магнесия на Меандре не были расположены во Фригии, то умерший путешественник должен был быть рожден в Магнесии на Меандре, но поселился в доселе не известной Айле в Западной Фригии, названной «скифской» потому, что ее основала амазонка.

Против гипотезы Эберта говорит то, что он прошел мимо связи между Магнесией на Сипиле и легендами о фригийских царях Тантале и Пелопсе; он склонен принять слова ἐκ Φρυγίης за указание на вторую родину данного человека и таким образом разрешить противопоставление начала фразы и ее продолжения Σκυθίη δέ... Он оставляет также без объяснения, каким образом равнина может быть идентифицирована с «полноводным потоком». Совпадение двух имен собственных поразительно, однако гипотеза Эберта основана на столь многих допущениях, что представляется более естественным понимать под «Мантыйской равниной» неидентифицированную часть территории Херсонеса Таврического, а под «полноводным потоком Мантия (или Амантия)» неизвестное помимо этого места название Летайоса близ города Магнесии на Меандре.

К.П. Джоунз

TAURIC CHERSONESUS IN THE INSCRIPTION FROM PORTO NEAR ROME

K.P. Jones

The author again turns to the analysis of the well-known metrical inscription from Isola Sacra (Sacco, *Isc. gr. d'Italia: Porto, № 45*), which mentions that the anonymous Magnesian from Phrygia, probably, diseased, was nourished by «the Scythian virgin in the Manthian plain». Returning to J. Zingerle's interpretation, the author believes that the Magnesian, buried in Porto, was born in Tauric Chersonesus, and the Manthian plain should be localized not far from Balaklava.

³⁷ Rostovtzeff. Op. cit. P. 154; *Const. Porph. De administr. imper.* 53, 530—532 Moravscik.

³⁸ *AJPh*. 1978. 99. P. 341: я продолжаю верить, что «герой» этой поэмы был торговцем, а не «миссионером».

Перевод С.Ю. Сапрыкина.